

А. Ф. Некрылова

«НА ЕРОФЕЯ ОДИН ЕРОФЕИЧ КРОВЬ ГРЕЕТ»

В традиционном календаре происходит особое переживание и осмысление фольклорного слова, где специфической жизнью живут имена святых — покровителей тех или иных дней, особым светом и содержанием наполняются названия праздников, отдельных отрезков времени и т. д.

Нередко именно слово в контексте складывающейся или уже сложившейся календарной культуры порождает целый ряд больших и малых текстов, выступает в роли генератора простых и сложных действий.

Одну из сторон жизни слова (имени собственного) в традиционном календаре обозначил Н. И. Толстой в статье «Народная этимология и этимологическая магия» (Толстой 1995): структура и семантика архаических культурных текстов нередко определяется таким достаточно распространенным явлением, как народная этимология, которая, в свою очередь, основана на специфике народной психологии и картины мира. Безусловно, народная этимология представляет собой **языковое** явление, состоящее в том, что «этимологически изолированные, непрозрачные (лишенные внутренней формы) слова, чаще всего иноязычные, получают семантическую мотивировку (приобретают внутреннюю форму) на основе их сближения с созвучными им другими словами, что внешне выражается в их звуковой и/или семантической модификации» (Там же: 317). При этом сам принцип семантического притяжения созвучных слов для носителей традиционной культуры, как правило, не опирается на подлинное (научно обоснованное) этимологическое родство. Более того, важнейшей особенностью народной этимологии является ее экстралингвистическая, мифопоэтическая функция, что предполагает при ее изучении «выход за пределы вербальных текстов и обращение к ритуально-магическим формам поведения, к обрядовым “текстам”, мифологии и верованиям» (Там же: 319); други-

ми словами, выйти на уровень «этимологического сознания», включающего и «этимологическую магию».

Обращая особое внимание именно на экстралингвистическую, мифопоэтическую функцию народной этимологии, возьму на себя смелость показать на одном примере, как работает принцип семантического притяжения созвучных слов — принцип, представляющий одну из важнейших особенностей фольклорного (в том числе календарного) сознания, — каковы механизмы его проявления в ряде фольклорных и ритуально-магических текстов, причем не только архаических.

Как в православном месяцеслове, так и в бытовом народном календаре 4/17 октября занимает достаточно скромное место. Среди нескольких святых, чья память отмечается в этот день, первым значится священномученик Иерофей, епископ Афинский. В житии святого, включенном в Четыминеи Дм. Ростовского, говорится: «Святой Иерофей был одним из членов или советников Ареопага, Святым апостолом Павлом он был обращен в христианство и им же поставлен в епископа города Афин. Присутствуя вместе с апостолами при погребении Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, святой Иерофей воспевал божественныя песнопения, когда провожал ко гробу Пречистое тело Божией Матери, так что все слышавшие и видевшие то признали его за праведнаго и святаго мужа. Благочестно пожив, как подобает святому, и угодив Богу своим житием и благим управлением паствою, святой Иерофей скончался мученически в 1-м веке по Р. Хр.» (Жития... 1904: 97).

Никоим образом не согласуясь с каноническим житием, народная мысль связала с Иерофеем (в народной огласовке — Ерофеем) усиление холодов и буйство лесной нежити.

Едва ли не повсеместно были распространены приговорки: «С Ерофея холода сильнее», «Как ни ярись мужик Ерофей, а с Ерофея и зима шубу надевает» — с типичными для таких присловий внутренней рифмой «Ерофея — сильнее», притяжением созвучных слов «ярись — Ерофей». Возникновение подобных выражений понятно, оно мотивировано октябрьской датой памяти святого — наступлением холодов, близким дыханием зимы, когда дни становятся совсем короткими, земля покрывается первым снегом, лес окончательно теряет листву и «шумит» от студеных ветров.

Однако к этому дню оказались приуроченными и присловья, которые, с одной стороны, тоже затрагивают тему похолодания, с другой — выходят за пределы этой темы, отсылая к иным реалиям и представлениям:

- На Ерофеев день один ерофеич кровь греет;
- Ерофеич часом дружок, а часом вражок;
- Мне ничто нипочем, был бы ерофеич с калачом.

Под «ерофеичем» здесь подразумевается водка, настоящая на травах. Закономерно возникает вопрос, почему именно в день святого Еро-

фея вспоминают про горячительный напиток, к тому же называя его по имени святого — патрона 4/17 октября.

Прежде чем высказывать какие-либо соображения на сей счет, добавлю, что с этой датой традиционно связано и представление об особом поведении леших.

Одна из первых, несколько романтизованных (что характерно для бытописателей начала — первой половины XIX столетия) заметок по поводу того, что крестьяне связывают с датой 4 октября, принадлежит И. П. Сахарову: «Наши поселяне думают, что с сего дня перестают бродить по лесу *лешие*. Расставаясь с лесом, они, будто с досады, ломают деревья, как тросточки, в полянах вырывают землю на семь пядей, загоняют всех зверей по норам, а сами проваливаются сквозь землю. Во весь день ветер воет по лесам, птицы не смеют прилетать к деревьям. Об мужике и говорить нечего: ни за что из доброй воли не пойдет в лес. Леший не свой брат — переломает все косточки не хуже медведя». Далее Сахаров пересказывает распространенное предание (по сути, быличку) об удалом мужике, желавшем посмотреть, как леший будет проваливаться сквозь землю. Мужик удалось не только увидеть лешего, но и поговорить с ним перед его «провалом» под землю, однако за это пришлось серьезно поплатиться: стал мужик «дурак дураком: ни слова сказать, ни умом пригадать. Так дураком помер». В заключение Сахаров приводит рассуждения крестьян по поводу рассказанного: «Зачем было ему смотреть на лешего? Хотел умней всех быть»; мужик пострадал, а леший — что ему сделается? — «небось весной опять выскочит из земли как ни в чем не бывало. Вишь, их такая порода» (Сахаров 1989: 313–314).

Более короткая заметка у В. И. Даля в его сборнике пословиц: «На Ерофея лешие пропадают: они ломают деревья, гоняют зверей и проваливаются. Крестьяне в лес не ходят. Леший бесится» (Даль 1957). Ерофеев день во «Владимирских губернских ведомостях» (1899, № 43) охарактеризован как «роковой для нечисти», так как леший сквозь землю проваливается. С. В. Максимов называет день Ерофея-мученика «заповедным», ибо именно 4 октября «указано лешим пропадать или замирать. Перед этим они учиняют неистовые драки, ломают с треском деревья, зря гоняют зверей и, наконец, проваливаются сквозь землю, чтобы явиться на ней вновь, когда она отойдет или оттает весной, и начать снова свои проказы все в одном и том же роде. <...> В этот день знающие крестьяне в лес не ходят» (Максимов 1994: 65). Основываясь на известных ему материалах, практически о том же писал В. И. Чичеров: Ерофеев день «отмечается как день буйства леших: они “дурят в лесах” — бродят, кричат, хлопают в ладоши, хохочут, “людям в тот день в лес ходить нельзя — леший бесится”» (Чичеров 1957: 35).

Следует напомнить, что в традиционном русском календаре с лешим увязываются несколько осенне-зимних дней. Прежде всего, это Воздви-

женье (14/27 сентября), когда, по поверьям крестьян многих губерний, звери впадают в зимнюю спячку, змеи перед уходом до весны под землю или в вырей собираются в одно место, а лешие «сходятся на лужайку среди дремучего леса, куда стогнают всех диких зверей и домашний скот, оставшийся на полях», здесь они затевают игру (часто в карты) «и проигрывают друг другу зверей»; отгуляв же, уходят на всю зиму под землю (Власова 1998: 291). Лешие активно проявляют себя и в день Агафонагуменника (22 августа/4 сентября): покидают свои лесные владения, бегают по полям и «дурят» — «раскидывают снопы по гумнам, которые и стерегут (крестьяне. — А. Н.) в вывороченном тулупе, с кочергою в руках» (Даль 1935: 4). В большинстве случаев последним днем гульбы леших считается Воздвиженье, в некоторых же местах — Ерофеев день. Зафиксировано и достаточно четкое распределение по срокам исчезновения разного рода нечисти и гадов: змеи, согласно широко распространенному представлению, покидают этот мир в день Воздвиженья, лешие проваливаются сквозь землю в Ерофеев день, прочая нечистая сила исчезает с земли 15/28 ноября (Успенский 1982: 87) — в день святых мучеников Гурия, Симона и Авива (Ермолов 1901: 539).

Безусловно, в сближении и даже отождествлении Ерофея с лешим (на Русском Севере *ероха* — одно из обозначений черта, нечистого духа; — Черепанова 1983: 42, 57) первенствующую роль сыграла народная этимология, направленная на поиск внутренней формы непонятого, «иностранныго», имени при помощи созвучных слов родного языка, ибо именно созвучие слов служит основой их символического и мифопоэтического сближения в языке традиционной духовной культуры.

Хорошо известно, что в традиционном представлении имя неотделимо от его носителя, более того — выражает его суть и сущность, являет «формулу личности». Поскольку в самом имени (зачастую заимствованном из чужого языка, в нашем случае — из греческого, где Иерофей — дословно «освященный Богом») внутренняя форма не ясна иноязычному человеку, он стремится обнаружить эту внутреннюю форму (смысл) в пределах своей лексики, при помощи близких, понятных слов. Как писал П. Флоренский, «имя нельзя перевести на другой язык вполне адекватно, как нельзя его и перенести сырьем в другой язык, чтобы оно слилось в органическое единство со всею речью. Оно должно быть сотворчески воссоздано в другом языке», только тогда в нем можно «прозреть» нечто свое и актуальное (Флоренский 1993: 102). Помещение заимствованного имени в некоторое гнездо созвучных слов родного языка является своего рода «переводом» и одновременно «толкованием», осуществляемым по закону народной («ложной») этимологии. Подобное прояснение внутренней формы чужого имени, собственного «вчувствование в звуковую его плоть», по выражению П. Флоренского (Там же: 15), позволяет проникнуть в сущность обладателя этого имени, а также стоящей за ним действительности. Последнее основано на таких постулатах мифопоэти-

ческого взгляда на мир, как отождествление формы и содержания, как осознание имени не в качестве внешнего знака лица, а в качестве неотъемлемой части человека (Гуревич 1984: 299), притом что имя обладает известной самостоятельностью.

Добавим, что мифологическое имя все время балансирует между именем собственным и нарицательным, то есть именем и определением персонажа (Топоров 1993: 81).

Святой Иерофей, став на русской почве Ерофеем, органично вписался в ряд следующих слов: *ёрить, ёрник, ёрничать; ерепенить(ся); ерихонить(ся), ерихонка; ерошить, ерошничать*. Два последних прямо соотносятся с *Ерофеем*, особенно близки они фамильярно-уменьшительным вариантам имени, созданным по законам русского разговорного языка, — *Ероха, Ерошка*.

В русском языке, прежде всего в лексике диалектной, разговорной, просторечной, имеется немало слов если не производных от *Ерофей-Ероха-Ерошка*, то чрезвычайно «родственных» по огласовке: *ерохвоститься, ероха, ерохи, ероховатый, ерошничать, ерофейничать, ерофениться* и т. п.

Приведу значения этих слов по Словарию русских народных говоров и Толковому словарю В. И. Даля. *Ерохвоститься* — париться в бане; *ероха* — 1) настойка на травах, *ерофеич* (владим.), 2) пиво (яросл.). 3) человек с нечесаными, всклокоченными волосами, неряха, 4) сварливый человек, задира (владим., волог.); *ерохи* (*широхи-ерохи*) — игра, состоящая во взъерошивании волос на голове друг у друга (волог.); *ероховатый* — 1) шероховатый (волог., сев-двин., перм.), неровный, 2) всклокоченный (волог.), косматый, непричесанный, 3) сварливый (нижегор.); *ерошка* — водка, настоянная на травах (нижегор., моск., владим., самар.); *ерошить* — 1) бить кого-, что-либо (псков., твер.), 2) ворошить (сено), взбивать (псков., смолен.); *ерошиться* — сердиться, гневаться (костр., нижегор., ворон., перм., смолен.); *ерофениться* — ругаться (олонец.) (Словарь 1972/9: 32–33). *Ерофеич, ерошка* — горькое вино, настойка, водка, настоянная на травах; *ерофейничать, ерошничать* — пьянствовать; *ерошка* («в ерошки играть») — карточная игра, в которой проигравшему ерошат голову; *ерошиться* (о волосе, щетине) — вздыматься, становиться дыбом, шевелиться; *ерохониться, ерохориться* — упрячиться или упираться, упорствовать, противиться, бороться (Даль 1935: 537).

Если выделить ключевые понятия, то получится, что данная группа слов обозначает или связывается с представлениями о лохматости, нерасчесанности, беспорядке во внешнем виде; шуме, ярости, дурном, буйном поведении. Все эти признаки характеризуют антиповедение, бескультурие, стихийность, что присуще человеку, нарушающему правила обыденного этикета или ввергнутому в стихию обрядового антиповедения (ряженные, например, — Ивлева 1994: 117), а также демонологическим персонажам, в том числе и лешему.

По народным представлениям, леший пучеглаз, с длинными (зелеными) волосами, «оброс мхом», «сопит — как лес шумит», голова его наминает верхушку сосны; вообще он похож на куст — зеленые глаза и борода; мохнатый, весь покрыт черной (седой) кудрявой шерстью (Померанцева 1975: 82). Леший, будучи не столько лесным, сколько стихийным духом, горазд являться в виде вихря, ветра, несущего по дороге пыль, мусор, листья и пр.: «По поверьям, особенно северных, лесных, районов России, леший может принимать облик сильного ветра, вихря», «приходит бурей и облаком» (Власова 1998: 286, 292). Он чаще невидим, но слышим — ведет себя очень шумно: хохочет, «свищет, шелкает, кричит на разные голоса, визжит, дразнится, хлопает в ладоши, сродни эху и шумящему под ветром лесу. Леший идет — шум раздается по лесу, деревья гнутся, лес «аж гудит», трещит, гремит. Он ухнет — все грохочет, заплещет в ладоши — треск по лесу» (Власова 1998: 284; о том же — Померанцева 1975: 35–36).

Все эти признаки проецируются на Ерофеев день — «законный», «урочный» день активности леших, вполне согласуясь со значениями слов, включенных по звуковому притяжению в «ерофееву» орбиту.

Вернемся к названию крепкого напитка, производного от имени патрона 4 октября и упоминаемого обычно в связи с Ерофеевым днем («На Ерофея один ерофеич кровь греет», «Мне ничто нипочем, был бы ерофеич с калачом»), а также к словам *ерошка*, *ероха*, *ерофейничать*, *ерошничать* в значении, «хмельной напиток», «пьянствовать». Сюда же следует поместить и поговорку «Ерофеич часом дружок, а часом вражок», приуроченную народным календарем к Ерофееву дню; известная во Владимирской губернии (ВГВ 1899), она в одинаковой степени относится и к вину, и к осенней погоде на Ерофея. Вновь возникают параллели с поведением лешего и пристрастием его к «зелену вину». О. А. Черепанова приводит запись из Вологодского края: «На Здвижнев день варили пиво ушатами. Выносили вольному (лешему. — А. Н.) ушат пива и просили сплясать или спеть. Но если сплясать, то всё повалится» (Черепанова 1996: 51). Любовь к выпивке нередко соединяется у лешего с увлечением азартными играми. В книге Э. В. Померанцевой есть рассказ старухи из Рязанской губернии о том, как в кабаке «ночью пришел мужчина в звериной шкуре и с толстой дубиной. Выпил водки и пошел. Кабатчик вышел и увидел зверье. На его вопрос мужчина сказал: “Это я товарищу в карты проиграл и теперь иду долг платить”. — “А кто ты такой будешь?” — “Я царь лесной”» (Померанцева 1975: 30). Новгородцам известна быличка о леших, которые в ночь под Воздвиженье (или под Ерофеев день) играют в карты и проигрывают зверей и домашний скот (Там же: 46). Видимо, не случайно в данном контексте и название своеобразной карточной игры — *ерошка*, где проигравшему ерошат волосы, в каком-то смысле уподобляя его «Нечистлику», то есть лишая человеческого подобия и подчер-

кивая тем самым принадлежность низовому, стихийному, вне-человеческому.

Демонологическая сущность Ерофея — покровителя дня леших — проявилась и в популярных загадках про веник: «Стоит Ерофейка, подпоясан коротенько» (Сахаров 1989: 185, № 48); «Маленький Ерофейко подпоясан коротенько».

Стоит Ерофейка
Подпоясан коротенько,
Кто его возьмет,
Тот шум заведет.

Тверские загадки 1955: 29, № 211

Интересно, что далекая, но все же улавливаемая связь веника с Ерофеем зафиксирована в загадке про банный веник: «Идет баба ермолитка, на ней шубка зелененька, лычком подпоясана» (Загадки 1968: 96, № 2953). Еще раз обращу внимание на глагол *ерохвоститься*, обозначающий «париться в бане», и на приведенную В. И. Далем в связи с этим глаголом приговорку «Игагонница поспела, ерохвоститься пора», употребляемую, когда речь заходила о готовой бане и ожидаемом наслаждении — попариться веником (Даль 1935: 340; Словарь 1972/9: 33).

Хорошо известно, что для восточнославянской традиции очень показательна связь веника (метлы) с колдовством и нечистой силой, — последняя может являться в виде летящей метлы, на венике или метле нечисть отправляется на свои сборища, веник нередко осмысливается как место пребывания домового, банника; распространенным является запрет сжигать веник в печи, так как иначе накличешь ветер, бурю, вихрь; с помощью веника можно вызвать и остановить бурю, ветер, дождь, град (Виноградова, Толстая 1993: 18–19, 22 и др.). Та же связь веника с низшей демонологией отражена в поговорке «Силен бес, и горами качает, и людьми, что вениками, трясет» (Даль 1935: 340), в загадках «Сам с ноготь, а борода с локоть», «Лежит косматый старик под лавкою», «Чертова бабка вся в заплатках» (Загадки 1968: 112, № 3663, 3670, 3672).

Кроме того, важен факт приуроченности (в рамках календарного времени) «ритуалов с веником к праздникам и периодам, определяемым как “нечистое” время (святки, весна, купала)» (Виноградова, Толстая 1993).

Подытоживая, можно сказать, что Ерофеев день воспринимается как один из переходных, переломных дней осенне-зимнего периода, сопряженного с разгулом стихии, нечисти и оттого опасного для человека. Таковую характеристику этот день приобрел во многом благодаря механизму народной этимологии, сблизившей имя святого, покровителя данного дня, с группой созвучных слов, объединенных понятием акультурности, излома в облике человека и его поведении, что закономерно привело не только к подключению Ерофея к области народной демонологии и спо-

собствовало развертыванию имени в пределах традиционного календаря и связанных с ним текстов, но и к выходу в другие жанры (загадки, присловья и пр.), так или иначе затрагивающие тему нечисти, природного, неосвоенного, нерегулируемого, в сферу мифологического, сверхъестественного.

Литература

- ВГВ 1899: *Владимирские* губернские ведомости. 1899. № 43.
- Виноградова, Толстая 1993: *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Символический язык вещей: веник (метла) в славянских обрядах и верованиях // Символический язык традиционной культуры: Балканские чтения — П. М., 1993.
- Власова 1998: *Власова М. Н.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998.
- Гуревич 1984: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Даль 1957: *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: ГИХЛ, 1957.
- Даль 1935: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1935. Т. 1.
- Ермолов 1901: *Ермолов А. С.* Всенародный месяцеслов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1901. Т. 1.
- Жития... 1904: *Жития* святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Книга вторая. Месяц октябрь. М.: Синодальная типография, 1904.
- Загадки 1968: *Загадки* / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968.
- Ивлева 1994: *Ивлева Л. М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.
- Максимов 1994: *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: ТОО «Полисет», 1994.
- Померанцева 1975: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.
- Сахаров 1989: *Сказания* русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М.: Худож. лит., 1989.
- Словарь 1972: *Словарь* русских народных говоров. Вып. 9. Л., 1972.
- Тверские 1995: *Тверские* загадки. Тверь, 1995.
- Толстой 1995: *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
- Топоров 1993: *Топоров В. Н.* Имена личные в русских заговорах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.
- Успенский 1982: *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Флоренский 1993: *Священник* Павел Флоренский. Имена. Кострома: ТОО «Купина», 1993.

- Черепанова 1983: *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- Черепанова 1996: *Мифологические* рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
- Чичеров 1957: *Чичеров В. И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. Очерки по истории народных верований. М., 1957.